

СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ О МОРАЛЬНОМ СТАТУСЕ ПРАВОВЫХ НОРМ В ФИЛОСОФИИ КАНТА

М. А. Калашян

Сотискатель по философии

Проблема взаимоотношения морали и права, справедливости и закона была обозначена уже в древнегреческой философии, но четкое философское наполнение данной проблемы мы впервые имеем у И. Канта в его "Метафизике прав". В своей философии Кант преодолел ограниченность естественных и легалистских концепций права и впервые создал очень солидную (хотя и небесспорную) органическую и цельную метафизико-интегративную концепцию отношения морали и права, исходя из идеи трансцендентальной свободы и, в частности, свободы внутренней и внешней.

Можно сказать, что нравственная теория Канта была предвосхищающей реакцией на тупиковое противостояние односторонне ориентированных юснатуралистических (выражение В. С. Нерсисянца) и позитивистских концепций права. Как отмечает известный американский юрист Гарольд Дж. Берман: "Наполненный богатым содержанием классический диалог между позитивистской теорией и теорией естественного права, корни которого уходят в древнегреческую философию и религию, в католическое и протестантское богословие, в раннее Просвещение, в английской и американской юриспруденции XX века по большей части "выродился" ... потому что на них [на вопросы взаимоотношения права и морали – М.К.] нельзя дать удовлетворительного ответа с точки зрения одной или другой из конкурирующих теорий"¹.

В разделе XIV первой части "Метафизики нравов" "О принципе отделения учения о добродетели от учения о праве" Кант следующим образом разъясняет выдвинутый им принцип: "Это отделение, на котором покоится также основное деление учения о нравственности вообще, основывается на том, что понятие свободы, общее им обоим, делает необходимым деление на обязанности внешней и на обязанности внутренней свободы; из них лишь последние этические"².

¹ Берман Г. Д. Вера и закон: примирение права и религии, М., 1999, с. 344-345.

² Кант И. Соч.: В 8 т., т. 6, М., 1994, с. 449.

Огромное количество современных исследований, посвященных оценке кантовской теории нравственности, лишний раз подчеркивают ее актуальность и непреходящую значимость, ее созвучие проблемам и реалиям сегодняшнего дня, той непростой и напряженной духовной ситуации, которую переживает современное человечество. Вместе с тем, эти оценки и интерпретации нравственной философии Канта чрезвычайно противоречивы, а подчас и прямо противоположны.

Так, например, один из самых видных российских исследователей и знатоков творчества И. Канта А. Гулыга пишет, что "Метафизика нравов" "...это труд, где все было продумано до конца. Здесь преодолен ригоризм ранних критических сочинений по этике, мораль сочленена с правом"¹.

Иная оценка у одного из крупнейших российских юристов, специалиста в области философии права, политических и правовых учений В. Нерсесянца. Он пишет "Принцип кантовского морального закона по сути дела является лишь модификацией принципа формально-правового равенства (с его всеобщностью, независимостью индивидов, свободой их воли и т. д.). Иначе говоря, кантовская концепция моральности права имеет правовой смысл и значима для философии права именно потому и постольку, поскольку сама эта моральность по сути своей юридична"². Весьма и весьма спорная точка зрения.

Моральный и правовой законы Канта не могут сопоставляться и сравниваться, исходя исключительно из формальных принципов, т. к. Первый из них нормирует и регулирует ноуменальную, трансцендентальную сферу человеческой личности, в то время как второй – социально-эмпирическую. Кроме того, категорический императив нравственности требует для своей реализации определенные человеческие намерения, духовные акты, тогда как требование категорического императива права относится к сфере чисто внешних, социальных поступков, независимо от их содержания.

Аналогичной точки зрения первоначально придерживался и Э. Соловьев – также один из видных российских философов и исследователей творчества И. Канта – причем именно в области проблематики взаимоотношения права и морали. Он последовательно сопоставляет всеобщий

¹ Кант И. Трактаты и письма, М., 1980, с. 7.

² Нерсесянец В.С. Философия права, М., 2005, с. 490.

правовой закон как категорический императив права ("Итак, всеобщий правовой закон гласит: поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произволения было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом"¹) со следующими тремя формулами категорического императива нравственности.

1. "Поступай так, чтобы максима твоего поступка могла стать всеобщим законом"².

2. "Однако человек, рассматриваемый как *лицо*, т.е. как субъект морально практического разума, выше всякой цены; ведь как такового (homo personae) его должно ценить не просто как средство для целей других, да и своих собственных целей, но как цель самое по себе"³.

3. "Все понимали, что человек своим долгом связан с законом, но не догадывались, что он подчинен *только своему собственному* и тем не менее *всеобщему законодательству* и что он обязан поступать, лишь сообразуясь со своей собственной волей, устанавливающей, однако, всеобщие законы согласно цели природы"⁴.

В результате проведенного анализа Э. Соловьев делает вывод о том, что при сопоставлении категорического императива права с первой формулой категорического императива нравственности, мораль и право (как запретительная и разрешительная версия одного и того же нормативного формализма) *соотносительно противоположны*, при сопоставлении со второй формулой - мораль и право *безоговорочно едины*, а при сопоставлении с третьей формулой - наличие отношения *необходимой дополнительной*⁵. Отсюда Э. Соловьев в заключении своей монографии, посвященной взаимодополнительности морали и права в философии Канта, делает следующий вывод: "Завершая эту книгу, я пришел к предположению, которое даже в форме намека, смутной догадки не приходило мне в голову при начале работы. Я высказываю его не без страха, и состоит оно в следующем: не является ли этика Канта в

¹ Кант И. Соч.: В 8 т., т. 6, М., 1994, с. 254.

² Там же, с. 430.

³ Там же, с. 478.

⁴ Кант И. Соч.: В 8 т., т. 4, М., 1994, с. 209.

⁵ См.: Соловьев Э.Ю. И. Кант: Взаимодополнительность морали и права, М., 1992. Электронный ресурс: <http://i-text.narod.ru/omsk/library/index/s.htm> (Дата обращения: 31.10.2012).

значительной своей части (и прежде всего как учение о категорическом императиве) вовсе не этикой, не аналитикой нравственности, а полноценной теорией правосознания?¹

Однако в своей более поздней книге на эту же тему Э. Соловьев высказывается по данному вопросу уже более осторожно и уже не так категорично: "Примечательная особенность трансцендентальной практической философии — это, далее, утверждение необходимой соотносительности морали и права, их глубокой внутренней корреляции"².

Теорию нравственности Канта (и, в частности, кантовскую концепцию взаимоотношения морали и права) довольно серьезной критике подвергает крупный немецкий неокантианец, основатель трансцендентально-прагматической философии К. - О.Апель. Он, например, считает, что в рамках кантовской этики принципов нет места этике ответственности. Апель также считает, что утверждение Канта о нравственном законе как о «факте чистого разума» и о его априорности и аподиктичности имеет догматический и необоснованный характер. Однако основная претензия к Канту заключается в том, что, поместив мораль и право в разных мирах, он тем самым утерял их связь, дав праву полную автономию, создавая при этом предпосылки для правового имморализма. По этой причине Апель не принимает кантовское "... различие «моральности» и «легальности». Если в первом случае предполагается следование долгу (как внутренней максиме), то во втором — лишь «соразмерное долгу» (согласно внешнему закону) действие. Соответственно, с одной стороны, правовое поведение у Канта не предполагает моральности, с другой стороны, моральность не предполагает учета взаимности в человеческих отношениях"³. Здесь необходимо также отметить, что в трансцендентально-прагматической теории самого Апеля не нашлось место вопросу о соотношении моральности и легальности.

¹См.: Соловьев Э.Ю. И. Кант: Взаимодополнительность морали и права, М., 1992. Электронный ресурс: <http://i-text.narod.ru/omsk/libery/index/s.htm> (Дата обращения: 31.10.2012)

²См.: Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права, М., 2005. Электронный ресурс: <http://i-text.narod.ru/omsk/libery/index/s.htm> (Дата обращения: 31.10.2012)

³См.: Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества, М., 2002, Электронный ресурс: <http://www.nazarchuk.com/books/book1.html> (Дата обращения: 31.10.2012)

Аналогичные претензии к Канту высказывает также и один из крупнейших философов современности Ю. Хабермас. Он, в частности, отмечает, что понятие человеческого достоинства Кантом игнорируется, и весь пафос кантовской доктрины нацелен на морально-философское обоснование принципа автономии личности. Хабермас пишет, что у Канта "... права человека черпают моральное содержание, которое затем записывается на языке позитивного права, из источника универсалистски и индивидуалистически понятого достоинства человека. Однако последнее связывается с интеллигибельной свободой по ту сторону времени и пространства и сбрасывает с себя все коннотации, которые указывали на его роль связующего звена между моралью и правами человека. Ирония же, заключенная в правовом характере прав человека, состоит в том, что они защищают человеческое достоинство, которое находит коннотацию в самоуважении и [уже само по себе] получает социальное признание из известного статуса во времени и пространстве, – а именно из статуса гражданина демократического государства¹.

Однако данная критика теории Канта Апелем и Хабермасом не совсем корректна. Для подтверждения сказанного достаточно обратиться к самому Канту. "Любой факт, – пишет Кант, – есть предмет в явлении (чувств); напротив, то, что может быть представлено только чистым разумом, что должно быть причислено к идеям, адекватно которым не может быть дан в опыте ни один предмет, — а таково совершенное правовое устройство у людей — это вещь в себе"². Если право это вещь в себе, то тем самым оно своим истоком уже принадлежит к миру свободы, миру морали и добра.

Согласно Канту, в основе как морали так и права лежит *одна и та же* идея свободы как всеобщий и императивный закон практического разума. "Эти законы свободы в отличие от законов природы называются моральными. Поскольку они касаются лишь внешних поступков и их законосообразности, они называются юридическими законами; если же

¹См.: Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. - 2012. N2, с. 66-80.

Электронный ресурс:
http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=474&Itemid=52
(Дата обращения: 31.10.2012)

² Кант И. Соч.: В 8 т., т. 6, М., 1994, с. 411.

ими выдвигается требование, чтобы они (законы) сами были определяющими основаниями поступков, они называются этическими, и в этом случае говорят: соответствие с первыми есть легальность, со вторыми — моральность поступка. Свобода, к которой имеют отношение юридические законы, может быть лишь свободой во внешнем применении; а та свобода, к которой имеют отношение вторые, может быть свободой и во внешнем и во внутреннем применении произволения, поскольку оно определяется законами разума ... *будем ли мы рассматривать свободу во внешнем или во внутреннем применении произволения, все равно ее законы как чистые практические законы разума для свободного произволения вообще должны одновременно быть внутренними* [выделено нами — М.К.] определяющими основаниями этого произволения..."¹.

Таким образом совершенно очевидно, что в своей концепции Кант ищет и находит метафизические истоки права и вместе с тем, как справедливо замечает выдающийся знаток творчества И. Канта В. Ф. Асмус: "...в его попытках указать философскую основу права заметны колебания и противоречия. Он одновременно и подчиняет право этике, и стремится обособить их друг от друга"². Несмотря на это, В. Ф. Асмус решительно не согласен с утверждением известного русского юриста и философа П. Новгородцева о том, будто Кант совершенно устранил связь между правом и нравственностью. "Понятие свободы, - подчеркивает В. Ф. Асмус, - главное понятие во всей "практической" философии Канта. Через это понятие его учение о праве вступает а связь с учением о нравственности"³.

Итак, разрешение проблемы морального статуса права у Канта неоднозначно и противоречиво. Данный вопрос сам по себе требует отдельного и очень глубокого изучения. Думается, что утверждения о том, что трансцендентальная методология не позволяет связать мораль и право небесспорны. В конечном итоге, все проблемы, связанные с истолкованием правовой концепции Канта, метафизический характер его доктрины, затрудняющий выход на практику, препятствующий поиску и выработке рационально приемлемых и общепризнанных обоснований необходимости морализации права и опровержения легистского подхода,

¹ Кант И. Соч.: В 8 т., т. 6, М., 1994, с. 234-235.

² Асмус В.Ф. Иммануил Кант, М., 1973, с. 363.

³ Там же, с. 365.

в результате привели к возобладанию рационально-реалистического подхода. Подобный подход, конечно же, основан на вере в силу рациональности, уверенности "...в возможности существования рационалистической философии, которая сможет объяснить высшие принципы физического строения вселенной и морального порядка, управляющего поведением людей, а также отношение людей друг к другу и к миру в целом. Такая вера в человеческий разум в моральной сфере с очевидностью влечет за собой идею рациональной природы законов морали"¹. Мораль стали истолковывать натуралистически, как нечто наличное, как феномен и социальный регулятор, поместив ее в социально-эмпирический мир. Тем самым проблема соотношения права и морали приобретает уже чисто практический, прикладной характер, социализируется и *политизируется*, и в настоящее время скорее всего входит уже в предметную область политической философии. При подобном подходе мораль по существу уже фигурирует как элемент чисто юридического мировоззрения, инкорпорируемого в правовую систему. Нельзя не удивиться проницательности Аристотеля, который уже тогда рассматривал проблему взаимоотношения естественного и условного права как проблему политическую.

В контексте описанной ситуации в настоящее время большое распространение получили концепции, стремящиеся, отталкиваясь от политико-философских позиций, сомкнуть "моральное право" с легистским подходом и тем самым чисто рационалистически разрешить проблему обоснования моральной составляющей права, придать ему соответствующий "моральный заряд" с целью противостояния опасной тенденции чрезмерной позитивизации и формализации права.

Однако если мы от концепции "двух миров" Канта переходим к концепции "одного мира", то здесь уже обоснование инкорпорированности морали в правовую систему с необходимостью требует выявления соответствующего связующего звена между моралью и правом, что в концепции "двух миров" в принципе необязательно. В политической философии Ю. Хабермаса подобным связующим звеном является концепт человеческого достоинства, обусловленного его статусом.

Хабермас показывает, как поступательное развитие социально-

¹ Деннис Л. Идея права. М., 2009., с. 51.

философской мысли и исторического опыта постепенно привело к генезису и становлению, вычленению и фиксации концепта человеческого достоинства как базисной морально-правовой категории, носящей уже не сословный а эгалитарный характер. "...достоинство человека, - пишет Хабермас, - образует портал, через который эгалитарно-универсалистское содержание морали импортируется в право. Идея человеческого достоинства – это понятийный шарнир, который сочленяет мораль равного уважения к каждому с позитивным правом и демократическими правовыми декларациями, – сочленяет так, что из их обоюдной игры при благоприятных исторических обстоятельствах может возникнуть политический порядок, основывающийся на правах человека"¹.

В этой связи Хабермас говорит о недопустимости ситуации существования двух по сути антагонистических основных видов правопонимания: легистском и юридическом и настоятельной необходимости их синтеза. "На одной стороне – внутренняя мораль, укорененная в субъективной совести и обоснованная рационально (у Канта она вообще выведена в сферу интеллигибельного). На другой – принуждающее, позитивно фиксированное право, которое служит абсолютным государям и старым парламентам (сословным собраниям) и оказывается властным организующим началом при учреждении современного государственного устройства и капиталистического товарного обмена. Понятие прав человека немало обязано невероятному синтезу этих двух элементов. *И надо заметить, их связь осуществилась посредством понятийного шарнира «человеческое достоинство».* Только благодаря этой *внутренней* связи между достоинством человека и правами человека было достигнуто такое взрывное по силе подсоединение морали к медиуму права, в котором издавна нуждалась конструкция более справедливого политического порядка"².

В плане обсуждаемой темы большой интерес представляет разработанная видным американским политическим философом Джоном Ролзом

¹См.: Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. - 2012. N2, с. 66-80.

Электронный ресурс:

http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=474&Itemid=52

(Дата обращения: 31.10.2012)

²См.: Там же.

теория справедливости как честности. Эта теория так называемого политического либерализма или системы институциональной справедливости по существу радикально переосмысливает традиционную либеральную доктрину, синтезировав ее с идеями коммунитаризма. Она построена в духе аналитической философии, в которой автор не претендует на ее какую-то общезначимость или истинность. В целом, как считает американский философ, признание его теории - это в конечном итоге результат консенсуса по признанию в качестве адекватных базисных моральных принципов (принципов справедливости), положенных в основу всей его теории. В концепции Ролза предлагается иной "шарнир", связывающий мораль и право. В качестве такового Ролз предлагает принципы справедливости, но не индивидуальной, а институциональной (имеются в виду институты конституционной демократии), т. е. такую правовую систему, которая выстроена исходя не из принципа уважения к человеческому достоинству, а из принципов справедливости, предложенных Ролзом. К числу таких принципов относятся принцип равных свобод, принцип различия и принцип равных возможностей¹. Ролз считает (в противоположность Хабермасу), что принцип человеческого достоинства не является тем первичным нравственным элементом, который соединяет мораль и право. По этому поводу он пишет: "Другой недостаток [концепции самого Ролза - М.К.], как считают некоторые, заключается в том, что принципы справедливости не выводятся из понятия уважения к людям, из признания их внутреннего достоинства и значимости. Поскольку исходное положение (как я его определил) не включает этой идеи, во всяком случае явным образом, аргументация в пользу справедливости как честности может показаться необоснованной. Я полагаю, однако, что хотя принципы справедливости будут эффективными, только если люди обладают чувством справедливости и уважают на самом деле друг друга, понятие уважения или внутреннего достоинства людей не представляет собой подходящий базис для получения этих принципов. Сами эти идеи требуют интерпретации. Эта ситуация аналогична ситуации с благожелательностью: без принципов правильности и справедливости, цели доброжелательности и требования уважения не определены; они предполагают,

¹ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995, с. 267.

что эти принципы уже выведены независимо. Раз уже есть концепция справедливости, идеи уважения и человеческого достоинства могут получить более определенное значение"¹.

Таким образом, мы вкратце рассмотрели некоторые основные концепции взаимодополнительности морали и права. Общее число подобных концепций говорит о том, что в целом гуманитарные реалии второй половины XXв., породили настоятельную потребность в выработке соответствующих духовных ориентиров и вызвали к жизни разработку с использованием положительных элементов кантовской методологии ряда интегративных социально-философских концепций по взаимоотношению морали и права, которые пытаются снять противоречия, существующие между естественноправовыми концепциями, с одной стороны, и правовым позитивизмом - с другой. Создание подобной целостной, непротиворечивой и эмпирически работающей концепции представляет собой одну из самых актуальных и насущных проблем современной социально-философской мысли.

¹ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995, с. 505.